

Светлана Бондарева,
Сельский учитель
МБОУ «Урмарская СОШ
им. Г.Э.Егорова»

Памяти моей бабушки посвящаю

Солженицын и мы: точки соприкосновения

Остается догонять. Успеть бы.

Не поднимается рука закрыть последнюю страницу рассказа Солженицына «Матренин двор». Снова и снова перечитываю последние строки произведения: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша.», а перед глазами стоит образ высокой, стройной женщины лет шестидесяти-шестидесяти пяти, даже в этом возрасте не утратившей былую красоту здоровощекой, да-да, вы не ослышались, именно здоровощекой, с серо-голубыми глазами (такие же я обнаружила у моего отца, когда была уже взрослой – так поздно!!). Кстати, отец мой был под стать своей матери: высокий, широкоплечий, сероглазый (нет, не король, а мог бы быть – жизнь сломала). Пишу, а по щекам слезы.. Ужель все это было?.. Бабушка под стать солженицынской Матрене, отец почти сероглазый король...

Однако хотела писать о Матрене... Оказалось, это все равно что писать о милой, дорогой сердцу бабушке, с которой связаны лучшие воспоминания детства и юности. Долгими зимними вечерами сидим, бывало, у натопленной печки со спицами в руках при тусклом свете лампы и ведем беседу о привычках милой старины, а то вспомним майские солнечные деньки, когда всем миром (у чувашей говорят «нимепе») садили картошку, когда обязательно принято было «сделать большую картошку» - неожиданно схватить какого –нибудь зазевавшегося взрослого (чтобы картофель уродился крупный) и положить прямо на грядку. Вот смеху-то было!..

Иногда подумаешь, созерцая картины природы: «Ах, почему я не художник?! Обязательно бы написала осень и только осень. Столько оттенков в природе!!» Перечитала рассказ Солженицына в очередной раз (и не по долгу службы, а по настроению) и подумала: «Эх, почему я не писатель?! Обязательно бы написала подражание Солженицыну. О *моей* праведнице...»

Сегодня 17 ноября... Какое совпадение!.. Верю, оно не случайно. Случайностей не бывает.. Ровно через год Нине Ивановне (так звали мою бабушку) исполняется 100 лет. Ровесница революции, свидетель коллективизации, побывавшая в ссылке за Уралом, где так и остались в земле уральской ближайšie родственники – отец и брат: не вынесли

изнурительного труда.. Это только отрывочные воспоминания, которые сохранились в памяти. Как жаль, была слишком юна, чтобы понять всю бесценность тех зимних вечеров. И спасибо Александру Исаевичу за возможность вновь окунуться в детство и юность, по-новому посмотреть на былое и время... Точки соприкосновения... Их и искать не надо – вот они, рядом.

Просто удивительно!.. То ли время было такое... Столько совпадений!..

Было мне лет восемь.. Но хорошо помню, как в небольшой, но очень опрятной избе (до сих пор помнят соседи и родня – так принято было называть родственников) всем находилось место: в предпечье, за шифоньером, – место хозяйки в доме – бабушкина кровать, слева от входной двери – место хозяина, сторожа дома – (но его нет, пропал без вести в первые месяцы войны и лежит где-то прах его в земле украинской) высокая кровать с резным стальным изголовьем, аккуратно застеленным покрывалом, а на стене ковер с оленями (под стать хозяйке дома – стройные, длинноногие, гордые, с высоко поднятой головой), здесь спит теперь она, учительница-квартирантка, родом из далекого- далекого южного города, дочь военного, ни слова не знавшая по-чувашски (как хорошо они понимали друг друга: женщина-чувашка, говорившая на ломаном русском, и русская красавица, , ей, молодой и красивой, как Наталья Варлей в «Приключениях Шурика», самое удобное, теплое место, ведь она гостя, к тому же образованная, а еще «за нее» баба Нина получает машину дров, а дрова в деревне, как известно, на вес золота в суровые, ох какие суровые зимы нашего детства. Так вот об избе... За печкою поет сверчок, под печкой, наверно, мыши (не помню), а на полу в одну шеренгу мы: трое детей и мать с отцом. Никогда не забуду: возвращается она (к слова сказать, тезка моя) после клуба, берет меня на руки и кладет рядом на кровать с высоким изголовьем, укрывает ватным одеялом, потому что девочка.

Не хотите читать – не читайте, но мне есть еще что сказать, не могу остановиться, и пишу теперь не эссе ради эссе, а потому, что давно зрело это во мне, просило выхода...

Скоро полночь, завтра на работу, а мне не привыкать ложиться глубоко за полночь... Все мы родом из детства... Помню зимние каникулы. Моя баба Нина (асанне) всю свою сознательную жизнь проработала в районном центре, за восемь верст от дома, как она радовалась, когда я встречала ее на переезде (как и у Солженицына, наш поселок расположен вдоль железки) и мы (не только я и моя бабушка, но и ее подружки – тетя Катя, тетя Зоя) когда пешком, когда и на попутке добирались до дома. Входя в новый дом (бабушка в свои шестьдесят два года пристроила новый дом к той избе, где когда-то стоял ткацкий станок и моя мама ночами, пока дети спят, ткала - пир тертне), говорила: «Здравствуй, херт-сурт». Я не понимала, с кем она говорит, удивлялась. Добрый Домовой – хранитель дома, как я благодарна тебе...

Не стоит село без праведницы... Не умела она сидеть сложа руки: зимними вечерами вышивала, вязала, и даже крючком. С ранней весны до глубокой осени пропадала в лесу: то хвороста наберет (а иногда и кашта – довольно большой ствол дерева, который всегда пригодится в хозяйстве), то травки мешок для любимой козочки (коза всегда водилась в доме, а зимой козлятки жили за печкой, прям как в сказка!), не говоря уж о грибах и ягодах. Бывало, на дню три раза через два оврага наведывалась в лес. Никогда без куска хлеба с солью из дома не выходила – таков уж обычай. И даже в свои восемьдесят не изменяла своей привычке!.

И встретила бы свой столетний юбилей, все были уверены, что Нина Ивановна крепкая, здоровая, не прогнулась ни под тяжестью лет, ни под бременем бед – одной-то несладко жизнь коротать, говорили, ходит, словно спицу проглотила – вот это осанка, нам бы такую в 80!

И встретила бы, кабы не случай: никогда не позволяла себе выйти в люди не переодевшись - не переобувшись, и что нашло, вывезла, как обычно, весь снег со двора (это только в радость и для здоровья полезно), взяла сумку да так и пошла за хлебом в сельмаг. И надо же такому случиться: в разгар зимы помыли бетонный пол ... Перелом шейки бедра... Хотели делать операцию, думали ей всего шестьдесят (щеки – то какие румяные, прямо молодлица, а глаза такие живые, вопрошающие...). Нет. Не случилось...

Три года держалась, три года отмаливала (каждому есть что отмаливать), а ушла-удивительно!- 29 февраля.

Матрена, Нина, Зоя ... Сколько их! На них земля наша держится! И мы.

PS: Какое счастье, что сегодня с утра зашла в иконную лавку. Что нам остается – только молиться за упокой души наших праведниц, без которых не стоит ни село. Ни город. Ни земля наша.

И еще PS: Простите: не уложилась в рамки требований, но, как известно, из песни слова не выкинешь. И не надо. В память о них.

Нет, помню, помню год 1974-ый. Мне всего 9 лет (или уже девять?). Слова «Солженицын. Выслали. Выслали» до сих пор на слуху. Кажется, и образ со страниц газет сохранился. Мы причастны к этому. Мы – современники. За двадцать лет мир перевернулся, наш мир. Только осталась горечь разочарования от того, что несколько поколений лишили возможности прикоснуться к великой русской литературе. К Ахматовой. К Пастернаку. К Солженицыну. Остается догонять. Успеть бы. Успеть бы.

Хотелось написать о «крохотках», но это другая история.

17 ноября 2016